

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ / ECONOMIC SOCIOLOGY

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270>

EDN: <https://elibrary.ru/tjwrcj>

УДК / UDC 325.1-054.6(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Влияние институциональной среды на процессы международной трудовой миграции в регионы Российской Федерации

Р. С. Мухаметов

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)
muhametov2007@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью международной трудовой миграции в социально-экономическом развитии регионов России и необходимостью эффективного управления потоками переселенцев. В условиях демографического спада и дефицита трудовых ресурсов привлечение иностранных мигрантов становится важным фактором экономического роста. Изучение детерминант международной трудовой миграции часто фокусировалось на социально-экономических характеристиках пунктов назначения. В данной статье рассматривается влияние качества государственного управления территориями на их способность привлекать трудовых иммигрантов.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования выступают сведения Росстата, а также информация Атласа «Исламское сообщество Российской Федерации»; основным методом – регрессионный анализ панельных данных (модель с фиксированными эффектами).

Результаты исследования. Статистическая обработка данных показала, что субъекты РФ с более высоким качеством государственного управления привлекают больше международных трудовых мигрантов. При этом большинство социально-экономических факторов, которые традиционно используются для объяснения привлекательности территории назначения, не получили подтверждения, хотя они косвенно входят в категорию «государственная состоятельность». Регрессионный анализ продемонстрировал положительное влияние доли мусульманского населения регионов РФ на численность (в относительном выражении) иностранных трудовых мигрантов. Концепция этнических сетей не прошла эмпирическую проверку.

Обсуждение и заключение. Международные трудовые мигранты предпочитают приезжать на территорию назначения с более высоким качеством государственного управления. В то же время важно обеспечивать социальную интеграцию иммигрантов и защиту их прав, чтобы избежать проблем в принимающем обществе, которые связаны с социокультурными различиями. Результаты

© Мухаметов Р. С., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

исследования могут способствовать росту эффективности управления миграционными процессами на национальном и субнациональном уровнях, а также позволяют прогнозировать направления миграционного потока.

Ключевые слова: миграция, международная трудовая миграция, концепция «притяжения-выталкивания», государственная состоятельность, субъекты РФ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мухаметов Р.С. Влияние институциональной среды на процессы международной трудовой миграции в регионы Российской Федерации. *Регионоведение*. 2025;33(2):257–270. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270>

Influence of the Institutional Environment on the Processes of International Labor Migration to the Regions of the Russian Federation

R. S. Mukhametov

*Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russian Federation)
muhametov2007@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of the research topic is determined by the increasing role of international labor migration in the socio-economic development of Russian regions and the need for effective management of migrant flows. In the conditions of demographic decline and labor shortage, the attraction of foreign migrants becomes an important factor of economic growth. The study of the determinants of international labor migration has often focused on the socio-economic characteristics of destinations. This article examines the impact of the quality of public administration of territories on their ability to attract labor immigrants.

Materials and Methods. The empirical basis of the study was the data of Rosstat, as well as information from the Atlas “Islamic Community of the Russian Federation”. The research method was regression analysis of panel data (fixed effects model).

Results. Statistical processing of the data showed that the constituent entities of the Russian Federation with a higher quality of state governance attract more international labor migrants. At the same time, most socio-economic factors that are traditionally used to explain the attractiveness of the destination territory were not confirmed, although they are indirectly included in the category of “state capacity”. Regression analysis demonstrated a positive impact of the share of Muslim population in the Russian regions on the number (in relative terms) of foreign labor migrants. The concept of “ethnic networks” has not been empirically tested.

Discussion and Conclusion. International labor migrants prefer to come to destination territories with a higher quality of public administration. At the same time, it is important to ensure social integration of immigrants and protection of their rights in order to avoid problems in the host society that are related to socio-cultural differences. The results of the study can contribute to the growth of the efficiency of migration management at the national and sub-national levels, as well as allow forecasting the directions of migration flow.

Keywords: migration, international labor migration, pull-push concept, state capacity, subjects of the Russian Federation

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Mukhametov R.S. Influence of the Institutional Environment on the Processes of International Labor Migration to the Regions of the Russian Federation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(2):257–270. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270>

Введение. Миграция населения является одной из наиболее актуальных тематик для российских авторов. Данное академическое направление находится в центре внимания таких дисциплин, как экономика, география, демография, социология, политология и т. д. По мнению ученых, исследование процессов переселения в России в последние десятилетия активно развивалось, расширяя свою предметную

область [1]. В связи с этим значительная часть работ посвящена вопросам миграционной политики и режимов, проблемам формирования глобального управления миграцией [2]. При этом рассмотрение названного феномена в сравнительном аспекте постепенно обособляется в отдельную отрасль [3]. Многочисленные отечественные публикации сфокусированы на внутренней молодежной миграции [4; 5], а также трудовой миграции в стране [6]. Большое количество современных специалистов сосредоточено на обзорах имеющихся миграционных исследований [7; 8].

Мобильность населения в течение двух последних десятилетий как в нашей стране, так и в мире привлекает не только представителей академического сообщества, но и государственных деятелей. Это обусловлено тем, что, согласно данным ООН, по состоянию на 2020 г. Россия по числу жителей иностранного происхождения (иммигрантов) занимала 4-е место в мире (11,6 млн), уступая лишь США (50,6 млн), Германии (15,8 млн) и Саудовской Аравии (13,5 млн)¹. Иными словами, российское государство – важный пункт назначения для трансграничной миграции. По сведениям Министерства внутренних дел РФ, за 2022 г. было поставлено на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства 16,8 млн чел., в том числе 11,8 международных трудовых мигрантов².

Необходимо подчеркнуть, что отечественные ученые ставят под сомнение расчеты экспертов ООН, полагая, что из 11,6 млн чел. только 3,1 представляют собой международных мигрантов, в то время как остальные являются либо репатриантами, либо переселенцами из бывших советских республик, которые въехали на территорию РФ до 1991 г. включительно. В соответствии со сказанным современная Россия должна находиться на 16-м месте в общемировом рейтинге [9].

Об актуальности темы исследования свидетельствует принятие в 2023–2024 гг. мер по ужесточению миграционной политики в стране. Например, в редакции Закона о гражданстве РФ от 28 апреля 2023 года значительно расширен состав статей (64 вместо 18 в предыдущем варианте), преступления по которым влекут за собой прекращение приобретенного гражданства РФ³. В числе подобных преступлений названы действия по распространению фейков о Вооруженных силах РФ, дискредитация Российской армии, диверсии, призывы к введению санкций и осуществлению экстремистской деятельности, посягательство на нарушение территориальной целостности страны, дезертирство, уклонение от прохождения военной службы, шпионаж и госизмена⁴.

В научной литературе отмечается, что существует ряд детерминантов массовой трудовой миграции в Россию. Первый связан с уровнем заработной платы (он выше, чем в государствах происхождения мигрантов). Второй фактор обусловлен тем, что мигранты заняли ряд ниш на российском рынке труда, а именно те

¹ Доклад о миграции в мире 2022 [Электронный ресурс] // Международная организация по миграции. URL: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022-russian> (дата обращения: 13.08.2024).

² Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам [Электронный ресурс]. Министерство внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711> (дата обращения: 13.08.2024).

³ Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216> (дата обращения: 13.03.2025).

⁴ В России расширили перечень преступлений, влекущих лишение гражданства [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19080325> (дата обращения: 13.08.2024).

рабочие места, которые не являются привлекательными для коренного населения из-за низкого статуса и тяжелых условий труда. Третий определяется дефицитом трудовых ресурсов в стране [10].

Понятно, что иностранные трудовые мигранты (лица, которые перемещаются из одной страны в другую с целью получения работы) распределены по территории России неравномерно. В 2022 г. список субъектов РФ, куда приехало самое большое количество временных трудовых иммигрантов (в процентах к трудоспособному населению региона), выглядел так: Амурская область (47 %), Магаданская область (44 %), Москва (40 %), Московская область (35 %), Санкт-Петербург и Ленинградская область (33 %), Ямало-Ненецкий автономный округ (30 %), Калужская область (26 %) ⁵. Исходя из этого исследовательские вопросы сформулированы следующим образом: почему в одни субъекты РФ направляется больше внешних трудовых мигрантов, чем в другие? что делает некоторые регионы страны более привлекательными для трудовых иммигрантов? Поиск ответов на данные вопросы и является основной целью настоящей статьи.

Обзор литературы. Опираясь на результаты предыдущих исследований, можно заключить, что экономические факторы служат важной причиной выбора региона в качестве места назначения для внешних трудовых мигрантов [11]. Основная причина переселения – разница в доходах между территориями происхождения и назначения ⁶. В этой схеме люди решаются действовать, потому что расчет затрат и выгод заставляет их ожидать положительной чистой прибыли (обычно денежной) от перемещения [12].

Также в качестве популярного детерминанта выбора региона пребывания рассматриваются мигрантские сети. Ученые понимают их как наборы межличностных связей, которые соединяют действующих и/или бывших мигрантов друг с другом посредством отношений родства, дружбы и общего происхождения [13]. Мигрантские сети могут способствовать миграции тремя различными путями: предоставляя информацию собственно о процессе перемещения; осведомляя о местах назначения и рабочих местах, а также содействуя интеграции по прибытии; наконец, путем оказания помощи в финансировании расходов, вызванных переселением [14].

Исследователи предполагают, что расширение сетей мигрантов и накопление социального капитала инициируют процесс «...кумулятивной причинно-следственной связи», благодаря которому международная миграция становится самовоспроизводящимся процессом, т. е. процессом, который, начавшись, имеет тенденцию продолжаться и даже усиливаться со временем [15]. Важно отметить, что чаще всего данные сети рассматриваются не столько как канал перемещения, сколько как инструмент (барьер) адаптации иммигрантов в принимающем обществе [16; 17].

Одним из факторов, который обычно упускается из виду в академической литературе, является качество государственных институтов в целом. Данная статья

⁵ Рассчитано автором по: Численность населения по полу и возрасту по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://clck.ru/3LhgxP> (дата обращения: 13.08.2024) ; Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам...

⁶ Van Hear N., Bakewell O., Long K. Push-pull plus: reconsidering the drivers of migration // *Aspiration, Desire and the Drivers of Migration*. London : Routledge, 2020. Pp. 19–36.

ориентирована на преодоление этого пробела. В ней рассматривается государственная состоятельность (state capacity) на уровне субъекта РФ как привлекающего внешнюю трудовую миграцию фактора. Непосредственная задача состоит в том, чтобы определить влияние качества государственных институтов в виде детерминанта, фактора «притяжения», трудовых мигрантов из стран Содружества Независимых Государств. Исследование продолжает традицию изучения влияния качества государственного управления на привлекательность мест назначения для мигрантов [18; 19].

Исходя из обзора академической литературы, посвященной концепции государственной состоятельности, можно ожидать, что привлекательность страны / региона назначения для международной трудовой миграции возрастет с повышением качества политических институтов. Рабочая гипотеза заключается в том, что при прочих равных условиях люди предпочтут мигрировать с целью поиска работы на территории с более высоким уровнем государственной состоятельности.

Материалы и методы. Поскольку цель количественных исследований состоит в определении взаимосвязей зависимой и объясняющих переменных, необходимо применение статистических методов анализа. Регрессионный анализ служит главным инструментом для поиска закономерностей в больших наборах данных, в том числе панельных (модель с фиксированными эффектами). Оценка параметров регрессии основана на методе наименьших квадратов (МНК). Множественная линейная регрессия направлена на моделирование взаимосвязи зависимой переменной (переменной, которую пытаемся объяснить) и нескольких независимых переменных (факторов, влияющих на зависимую переменную). Выполнено логарифмическое преобразование переменных, т. е. осуществлена их трансформация в такой формат, который лучше поддерживает анализ для достижения целей исследования. Это было необходимо для устранения влияния разных единиц измерения. Анализ данных производился в прикладном пакете Gretl.

Зависимая переменная («Миграция») соотносится с количеством трудовых иммигрантов из Таджикистана и Узбекистана, которое выражено в процентах от численности трудоспособного населения субъектов РФ. Выбор для изучения переселенцев из этих двух государств обусловлен тем, что, по данным МВД, например за 2022 г., их представители занимают первые два места по числу фактов постановки на миграционный учет, где цель въезда – работа. Трудовыми мигрантами являются 93 % выходцев из Узбекистана, 83 % – из Таджикистана⁷. Отечественные исследователи также отмечают, что граждане Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана на протяжении многих лет составляют основной контингент трудовых мигрантов в России [20]. В качестве международных мигрантов Росстат учитывает только иностранцев, которые зарегистрировались по месту проживания или временного пребывания на срок девять месяцев и больше.

Теоретической основой объясняющей переменной выступает категория «государственная состоятельность». Она служит фактором «притяжения», если ее рассматривать в рамках двухтактной модели (push-pull theory of migration) принятия

⁷ Статистические сведения по миграционной ситуации [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ. URL: <https://мвд.пф/dejatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 13.08.2024) ; Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам...

миграционных решений Э. Ли [21]. Многие исследователи разделяют центральную идею о том, что названная дефиниция связана со способностью государства осуществлять свои цели или политику [22]. Наиболее широко используемые концептуализации государственной состоятельности соотносятся с веберовским представлением о государстве как об организации, способной создавать и внедрять правила [23].

Рассматриваемая категория определяется как способность государства к выработке политики или как набор компетенций и ресурсов, необходимых для разработки эффективной политики [24]. Считается, что государственная состоятельность включает в себя ряд элементов/индикаторов:

1) фискальный / бюджетный аспект, т. е. способность правительства собирать налоги для обеспечения общественных благ; это общий доход, который правительство способно получить с налогоплательщиков [25];

2) бюрократический / административный аспект, т. е. способность органов исполнительной власти выполнять поставленные перед ними задачи [26];

3) политический аспект, т. е. способность правительства осуществлять политику; состоит из трех компонентов:

– относительная политическая отдача (*relative political extraction*) – способность распределять часть национального продукта на достижение общественных целей,

– относительный политический охват (*relative political reach*) – способность мобилизовать население, находящееся под контролем,

– относительное политическое распределение (*relative political allocation*) – способность определять приоритетные статьи расходов в государственном бюджете [27].

В настоящей работе государственная состоятельность операционализирована через баллы, полученные регионом в Рейтинге эффективности управления в субъектах РФ за два года (2017, 2018) от Агентства политических и экономических коммуникаций (АПЭК)⁸. Это продолжает традицию отечественных ученых, которые применяют данный рейтинг в академических исследованиях при рассмотрении субнационального уровня в России [28]. Выбор указанного источника обусловлен тем обстоятельством, что при его составлении учитываются не только экспертные оценки, но и региональная статистика. Рейтинг делится на три блока (политико-управленческий, социальный и финансово-экономический), по каждому из которых проводится оценка. Итоговые оценки по каждому направлению представляют собой среднее арифметическое: а) усредненной совокупности статистических показателей; б) средней экспертной оценки.

Контрольные и фиктивные переменные показаны в таблице 1. Хотя первые не являются основным объектом исследования, они помогают установить истинные взаимосвязи независимых и зависимых переменных. Кроме того, контрольные предикторы могут помочь предотвратить влияние на результаты предвзятости в исследованиях (например, наличия пропущенных переменных). Необходимо отметить, что фиктивная переменная – это та, которая принимает значение «0» или «1». Такие переменные добавляются в регрессионную модель для представления бинарных факторов, которые либо наблюдаются, либо нет.

⁸ Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.apecom.ru/articles/?ELEMENT_ID=4332&ysclid=ma29p6hivk89447794 (дата обращения: 13.08.2024) ; VI Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3LrbGn> (дата обращения: 13.08.2024).

Таблица 1. Контрольные и фиктивные предикторы

Table 1. Control and dummy predictors

Переменные / Variables	Тип переменной / Type of variable	Операционализация / Operationalization	Единицы измерения / Units of measurement	Источники данных / Data sources
Прожиточный минимум / Living wage	Контрольная переменная / Control variable	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (от общей численности населения региона) / Share of population with monetary income below the subsistence minimum (of the total population of the region)	Проценты / Percentages	Росстат / Rosstat
Зарплата / Salary	Контрольная переменная / Control variable	Среднемесячная номинальная начисленная зарплата работников организации / Average monthly nominal accrued salary of employees of the organization	Рубли / Rubles	Росстат / Rosstat
Доходы / Income	Контрольная переменная / Control variable	Среднедушевые денежные доходы населения в месяц / Average per capita income of the population per month	Рубли / Rubles	Росстат / Rosstat
ВВП / GRP	Контрольная переменная / Control variable	Валовой региональный продукт (ВВП) на душу населения / Gross regional product per capita	Рубли / Rubles	Росстат / Rosstat
Безработица / Unemployment	Контрольная переменная / Control variable	Уровень безработицы / Unemployment rate	Проценты / Percentages	Росстат / Rosstat
Этнические сети / Ethnic networks	Контрольная переменная / Control variable	Доля лиц таджикской и узбекской национальностей в общей численности населения российских регионов / Share of persons of Tajik and Uzbek nationalities in the total population of Russian regions	Проценты / Percentages	Росстат / Rosstat
Культура / Culture	Фиктивная переменная / Dummy variable	Переменная получает значение «1», если субъект РФ входит в топ-20 регионов по доле мусульман в общей численности населения; значение «0» – во всех остальных случаях / The variable gets the value “1” if the Russian region is in the top 20 regions in terms of the proportion of Muslims in the total population; the value “0” – in all other cases	1 и 0	Атлас «Исламское сообщество Российской Федерации / Atlas “Islamic Community of the Russian Federation”

Сведения о числе прибывших трудовых мигрантов из Таджикистана и Узбекистана являются информацией Росстата (2018 и 2019 гг.)⁹. Исследователи отмечают, что существуют проблемы с качеством федерального статистического

⁹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_107/Main.htm (дата обращения: 13.08.2024).

наблюдения за миграционными процессами [29], в основном относящиеся к сфере информационных ресурсов Главного управления по вопросам миграции МВД РФ. Спецификой ситуации в России можно назвать усложнение доступа пользователей к ним¹⁰. Сведения по контрольным переменным приведены за 2017 и 2018 гг. В работе применялись панельные данные (сбалансированная панель), состоящие из данных временных рядов для каждой отдельной единицы в поперечном разрезе. В итоговую выборку включены 85 субъектов РФ.

В таблице 2 представлены средние, минимальные и максимальные значения переменных, а также медианы и стандартные отклонения.

Таблица 2. **Описательная статистика**

Table 2. **Descriptive statistics**

Переменные / Variables	Среднее / Mean	Медиана / Median	Стандартное отклонение / Standard deviation	Минимум / Minimum	Максимум / Maximum
Миграция / Migration	0,09	0,06	0,11	0	0,62
Состоятельность / Capacity	0,81	0,809	0,08	0,552	1,0
Прожиточный минимум / Living wage	15,4	14,3	5,7	7,4	42,1
Зарплата / Salary	32 982,6	28 163,0	14 472,1	20 629,0	86 647,0
Доходы / Income	28 227,7	25 261,0	11 027,4	14 111,0	69 959,0
ВВП / GRP	502 552,0	339 586,0	743 281,0	106 756,6	5 821 559,8
Безработица / Unemployment	6,76	6,0	3,72	1,6	30,2
Этнические сети / Ethnic networks	0,11	0	0,25	0	1,4
Культура / Culture	0,23	0	0,42	0	1,0

Результаты исследования. Для оценки влияния государственной состоятельности на уровень миграции иностранных трудовых мигрантов была построена модель множественной линейной регрессии с учетом робастных оценок стандартных ошибок, а также с поправкой на гетероскедастичность (табл. 3). Тест на обнаружение мультиколлинеарности проводился методом инфляционных факторов. Расчеты указали на ее отсутствие.

Таблица 3. **Регрессионный анализ (зависимая переменная – логарифм количества трудовых иммигрантов)**

Table 3. **Regression analysis (dependent variable is the logarithm of the number of labor immigrants)**

Переменные / Variables	Коэффициенты / Coefficients	Стандартная ошибка / Standard error	t-статистика / t-statistics	P-значение / P-value
1	2	3	4	5
Log _ Состоятельность / Log _ Capacity	11,76	2,08	5,62	0,0002***
Log _ Прожиточный минимум / Log _ Living wage	2,65	0,90	2,93	0,0149**

¹⁰ Чудиновских О. С. К вопросу о статистическом обеспечении исследований миграции и миграционной политики в России // Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски : сб. ст. М. : ИЕ РАН, 2020. С. 89–90.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
Log _ Зарплата / Log _ Salary	-5,94	2,04	-2,90	0,0156**
Log _ Доходы / Log _ Income	2,58	1,33	1,92	0,0825*
Log _ ВВП / Log _ GRP	0,56	1,22	0,45	0,6561
Log _ Безработица / Log _ Unemployment	-0,57	0,44	-1,28	0,2273
Log _ Этнические сети / Log _ Ethnic Networks	-0,16	0,30	-0,55	0,5935
Культура / Culture	2,13	0,67	3,16	0,0100**
const	22,44	6,38	3,51	0,0056***

Примечание / Note. R-квадрат / R-square – 0,81; Исправленный R-квадрат / Corrected R-square – 0,67; Количество наблюдений / Number of observations – 170; *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

Рабочая гипотеза, согласно которой субъекты РФ с более высокой государственной состоятельностью привлекают больше международных трудовых мигрантов, эмпирически подтвердилась ($p = 0,0002$, $p < 0,01$). Из таблицы 3 видно, что их тем больше, чем выше субнациональная государственная состоятельность: при прочих равных условиях увеличение качества политических институтов на один пункт приводит к росту иммигрантов на 11,7 пункта. Большинство социально-экономических факторов, которые традиционно используются с целью объяснения привлекательности территории назначения для международной трудовой миграции, не получили подтверждения в чистом виде. Отметим, что данные экономические индикаторы косвенно входят в «государственную состоятельность». Одни переменные показали противоположный характер взаимосвязи («Промежуточный минимум» и «Зарплата»), вторые («ВВП», «Безработица», а также «Этнические сети») оказались статистически незначимыми. Что касается переменной «Доходы», то она продемонстрировала ожидаемый результат: чем выше среднедушевые денежные доходы населения в конкретном субъекте РФ, тем больше трудовых иммигрантов приезжает.

Можно обозначить два объяснения того, почему международные трудовые мигранты при выборе места назначения руководствуются не только экономическими показателями территории, но придерживаются комплексного подхода. Первый тезис опирается на утверждение Ч. Тибо и Г. Таллока о том, что индивид мигрирует в общество, которое наилучшим образом отражает набор его предпочтений, связанных с общественными благами: более низкое реальное налоговое бремя, поскольку при этом, например, его располагаемый реальный доход для покупки товаров выше; более высокие реальные уровни государственных расходов, которые можно непосредственно потреблять или опосредованно извлекать из них значимую пользу¹¹.

Другими словами, при прочих равных условиях люди перемещаются для того, чтобы выразить свои предпочтения в отношении публично предоставляемых товаров и услуг, что можно назвать «голосование ногами». Данное объяснение поддерживается на теоретическом уровне институциональным подходом, согласно которому качество институтов имеет значение для экономического и политического

¹¹ Tiebout C. M. A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Political Economy. 1956. Vol. 64, no. 1. Pp. 416–424. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/epdf/10.1086/257839> (accessed 10.04.2025); Tullock G. Public Decisions as Public Goods // Journal of Political Economy. 1971. Vol. 79, no. 4. Pp. 913–918. <https://doi.org/10.1086/259799>

развития. Исследователи полагают, что существует очевидная корреляция между долгосрочным экономическим ростом и такими институтами, как верховенство закона, четко определенные права собственности, финансовые рынки и либеральная демократия [30].

Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон приводят множество исторических примеров, утверждая, что причина, по которой страны терпят неудачу, заключается не в географии, плохой политике или системах ценностей, как пишут некоторые авторы, а скорее в политических институтах, определяющих экономические институты. Они считают, что наличие экстрактивных институтов (которые направляют экономические выгоды в пользу относительно небольшой элиты) препятствует и даже блокирует экономический рост, а присутствие инклюзивных правительств (поддерживающих материальные устремления для большей части населения) создает инновационные стимулы, которые ведут к продолжающемуся росту¹².

Второй подход говорит о том, что территории назначения с более высоким уровнем государственной состоятельности и их институты вызывают большее социальное доверие. Согласно этой теории, современные политические институты являются важными детерминантами социального капитала. Степень воспринимаемой справедливости и беспристрастности институтов, ответственных за реализацию государственной политики, служит основой для создания и поддержания высокого уровня институционального доверия [31].

Обсуждение и заключение. Представляется интересной интерпретация контрольных и фиктивных переменных. Результаты регрессионного анализа показывают положительное влияние культурной близости российских регионов на численность (в относительном выражении) иностранных трудовых мигрантов. Иначе говоря, чем выше доля мусульман в общей доле населения субъектов РФ, тем больше трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана приезжают. Важно отметить, что культурная близость актуализируется при выборе территории не только для постоянного места жительства, но и для заработков. Данный вывод подтверждается исследованиями на примере других стран. Так, обнаружено, что взрослые иммигранты предпочитают переезжать в регионы с культурными корнями, сходными с их собственными [32].

Согласно одному из мнений, мигранты предпочитают переезжать в те страны, где уже проживают их соотечественники. Большая часть существующей литературы сосредоточена на том, как прочные связи с сообществом назначения могут содействовать миграции, предоставляя доступ к информации о рабочих местах. Результаты данной работы не подтверждают этот тезис ($p = 0,5935, p > 0,05$). Ряд исследователей отмечают, что сети, основанные на этнической принадлежности, способствуют эксплуатации, а не солидарности; руководители могут пользоваться своим положением, чтобы вымогать деньги у новых иммигрантов-соотечественников [33].

Кроме того, подобные сети могут функционировать не как трамплины к достатку, а скорее как ловушки мобильности для всех, кроме собственников бизнеса и нескольких высокопоставленных персон. Работники-иммигранты сталкиваются с низкой заработной платой, продолжительным рабочим днем и плохими условиями

¹² Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York : Crown Business, 2012. 529 p.

труда, имеют мало возможностей освоить язык принимающего общества и другие навыки, необходимые для выхода за рамки низших должностей. Критики концепции этнических сетей указывают на то, что членство в сети доступно не всем сразу и что доступ к коллективным ресурсам может быть получен только за определенную плату¹³; наличие бывших сограждан также сокращает возможности встречаться и взаимодействовать с местными жителями, изолируя иммигрантов от лучшего трудоустройства [34].

Таким образом, результаты регрессионного анализа показали, что регионы с более высоким уровнем качества государственного управления привлекают больше международных трудовых мигрантов. Это эмпирически подтверждает рабочую гипотезу исследования. Важно отметить, что большинство социально-экономических факторов, которые традиционно используются с целью объяснения привлекательности места назначения для международной трудовой миграции, не получили подтверждения в чистом виде, хотя они косвенно входят в категорию «государственная состоятельность». Статистический анализ продемонстрировал положительное влияние доли мусульманского населения территорий РФ на численность (в относительном выражении) иностранных трудовых мигрантов. Наконец, популярная концепция этнических сетей не прошла проверку.

Основной вывод настоящего исследования указывает на то, что международные трудовые мигранты предпочитают территории назначения с более стабильной экономической и политической ситуацией. Однако важно также обеспечить социальную интеграцию переселенцев и защиту их прав, чтобы избежать в принимающем обществе проблем, которые связаны с социокультурными различиями.

Положения данной работы имеют определенную практическую значимость, относящуюся к выявлению детерминантов, привлекающих иммигрантов в страну. На этой основе можно осуществлять более эффективное управление миграционными процессами на национальном и субнациональном уровнях, а также прогнозировать будущие направления миграционного потока.

Важно сказать и про ограничения исследования, в первую очередь связанные с применением регрессионного анализа. Как и любой другой метод, он имеет недостатки: зависимость от качества данных; риск неточности и ненадежности результатов статистической обработки данных, если имеющаяся в открытом доступе числовая информация, например, низкого качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Лисицын П.П. Границы и содержание миграционного процесса: теоретическое определение и операционализация объектов миграционных исследований. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;(1):11–28. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/26> (дата обращения: 10.04.2025).
Lisitsyn P.P. The Scope and Content of the Migration Process: Theoretical Definition and Operationalization of Objects of Migration Studies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(1):11–28. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/26> (accessed 10.04.2025).

¹³ Gold S. Migrant Networks: a Summary and Critique of Relational Approaches to International Migration // *The Blackwell Companion to Social Inequalities*. Hoboken, NJ : John Wiley and Sons, 2005. Pp. 257–285.

2. Бородин М.А., Внутских А.Ю. Зарубежные исследования международной миграции: методологические проблемы, тематические тренды. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2023;(2):297–308. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-297-308>
Borodkin M.A., Vnutskih A.Yu. [Foreign Studies of International Migration: Methodological Problems, Thematic Trends]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 2023;(2):297–308. (In Russ., abstract in Eng.) URL: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-297-308>
3. Резаев А.В. Сравнительные миграционные исследования на постсоветском пространстве: актуальные вопросы и перспективы развития. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2017;(77):1–10. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/353> (дата обращения: 10.04.2025).
Rezaev A.V. Comparative Migration Studies in the Post-Soviet Space: Current Issues and Development Prospects. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(77):1–10. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/353> (accessed 10.04.2025).
4. Рыбаковский Л.Л., Маевский Д.П., Кожевникова Н.И. Миграционная подвижность населения и ее измерение. *Народонаселение*. 2019;(2):4–14. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00011>
Rybakovsky L.L., Maevsky D.P., Kozhevnikova N.I. Migration Mobility of Population and Its Measurement. *Population*. 2019;(2):4–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00011>
5. Чернышёва Н.С., Чжан Ю. Молодежная миграция в России: обзор дискуссий // *Социологические исследования*. 2022;(11):135–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3>
Chernysheva N.S., Zhang Yu. Approaches to the Studying Youth Migration in Russia: Reviewing Discussions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(11):135–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250018919-3>
6. Волох В.А., Сулейманова Ш.С. Международная трудовая миграция: роль частных агентств занятости. *Вестник Университета*. 2014;(7):252–256. URL: <https://clck.ru/3LSpby> (дата обращения: 10.04.2025).
Volokh V.A., Sulejmanova S.S. International Labor Migration: Role of Private Employment Agencies. *Vestnik Universiteta*. 2014;(7):252–256. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3LSpby> (accessed 10.04.2025).
7. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Савоскул М.С. Новые данные и традиционные подходы: как российские географы изучают миграцию населения (2010–2021 гг.). *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2022;(3):353–373. URL: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1592/867> (дата обращения: 10.04.2025).
Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V., Savoskul M.S. New Data and Traditional Approaches: How Russian Geographers Study Population Migration (2010–2021). *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2022;(3):353–373. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://izvestia.igras.ru/jour/article/view/1592/867> (accessed 10.04.2025).
8. Неклюдова Н.П., Секички-Павленко О.О. Миграционные исследования в России: Обзор научной литературы. *Экономика региона*. 2020;(4):1162–1177. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-11>
Neklyudova N.P., Sekitski-Pavlenko O.O. Migration Studies in Russia: A Literature Review. *Economy of Region*. 2020;(4):1162–1177. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-11>
9. Абылкаликов С.И. Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России. *Социологические исследования*. 2016;(4)6:42–49. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6140 (дата обращения: 10.04.2025).
Abykhalikov S.I. [Natives of the Former USSR Countries in the Structure of the Population of Modern Russia.] *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016;(4)6:42–49. (In Russ.) Available at: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=6140 (accessed 10.04.2025).
10. Денисенко М.Б., Мукомель В.И. Иностранцы в России: мнения работодателей. *Социологические исследования*. 2023;(1):26–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3>
Denisenko M.B., Mukomel V.I. Foreign Workers in Russia: Employers' Opinions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(1):26–37. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3>

11. Diogo E. “Why Here?” – Pull Factors for the Attraction of Non-EU Immigrants to Rural Areas and Smaller Cities. *Social Sciences*. 2024;13(4):1–21. <https://doi.org/10.3390/socsci13040184>
12. Urbanski M. Comparing Push and Pull Factors Affecting Migration. *Economies*. 2022;10(1):1–21. Available at: <https://www.mdpi.com/2227-7099/10/1> (accessed 10.04.2025).
13. Massey D. A missing Element in Migration Theories. *Migration Letters*. 2015;12(3):279–299. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0002716210368108> (accessed 25.12.2024).
14. Dolfin S., Genicot G. What Do Networks Do? The Role of Networks on Migration and “Coyote”. *Review of Development Economics*. 2010;14(2):343–359. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9361.2010.00557.x>
15. Fussell E. The Cumulative Causation of International Migration in Latin America. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 2010;630(1):162–177. <https://doi.org/10.1177/0002716210368108>
16. Бедрина Е.Б. Особенности расселения трудовых мигрантов из зарубежных стран в российских мегаполисах. *Экономика региона*. 2019;(2):451–464. <https://doi.org/10.17059/2019-2-11>
Bedrina Ye.B. The Features of Resettlement of Labor Migrants from Foreign Countries in Russian Metropolises. *Economy of Region*. 2019;(2):451–464. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/2019-2-11>
17. Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н., Ермакова М. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? *Социологическое обозрение*. 2020;(2):225–253. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>
Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N., Ermakova M. Residential Concentrations of Migrants in Russian Cities: Is There a Pattern? *The Russian Sociological Review*. 2020;(2):225–253. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2020-2-225-253>
18. Bertocchi G., Strozzi C. International Migration and the Role of Institutions. *Public Choice*. 2008;137(1/2):81–102. <https://doi.org/10.1007/s11127-008-9314-x>
19. Ketterer T., Rodríguez-Pose A. Local Quality of Government and Voting with One’s Feet. *The Annals of Regional Science*. 2015;55(2):501–532. <https://doi.org/10.1007/s00168-015-0714-9>
20. Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии. *Социологические исследования*. 2022;(1):63–75. <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8>
Mukomel V.I. Central Asian Migrants at the Russian Labor Market: Before the Pandemic. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(1):63–75. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250017014-8>
21. Лисицын П.П., Степанов А. М., Орлова Н.А. Выполненные и невыполненные обещания Эверетта Ли: к критике миграционных теорий. *Социологические исследования*. 2023;(10):41–51. <https://doi.org/10.31857/S013216250028303-6>
Lisitsyn P.P., Stepanov A.M., Orlova N.A. Fulfilled and Unfulfilled Promises of Everett Lee: Toward a Critique of Migration Theories. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(10):41–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250028303-6>
22. Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвил А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования. *Полис. Политические исследования*. 2019;(3):49–68. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>
Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. *Polis. Political Studies*. 2019;(3):49–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04>
23. Berwick E., Fotini C. State Capacity Redux: Integrating Classical and Experimental Contributions to an Enduring Debate. *Annual Review of Political Science*. 2018;21(1):71–91. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-072215-012907>
24. Hanson J.K., Sigman R. Leviathan’s Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. *The Journal of Politics*. 2021;83(4):1495–1510. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/epdf/10.1086/715066> (accessed 10.04.2025).
25. Andersson P. Fiscal Capacity in Non-Democratic States: The Origins and Expansion of the Income Tax. *Journal of Institutional Economics*. 2023;19(3):364–378. <https://doi.org/10.1017/S1744137422000327>
26. Bednar N.R. Bureaucratic Autonomy and the Policymaking Capacity of United States Agencies, 1998–2021. *Political Science Research and Methods*. 2024;12(3):652–665. <https://doi.org/10.1017/psrm.2023.27>

27. Fisunoglu A., Kang K., Kugler T., Arbetman-Rabinowitz M. Relative Political Capacity: A Dataset To Evaluate the Performance of Nations, 1960–2018. *Conflict Management and Peace Science*. 2023;40(3):325–345. <https://doi.org/10.1177/07388942221145352>
28. Ross C., Turovsky R., Sukhova M. The COVID-19 Pandemic as a Test of Russia's Subnational State Capacity. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2023;31(4):461–484. Available at: <https://muse.jhu.edu/pub/280/article/912946> (accessed 10.04.2025).
29. Чудиновских О.С., Степанова А.В. О качестве федерального статистического наблюдения за миграционными процессами. *Демографическое обозрение*. 2020;(1):54–82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>
Chudinovskikh O.S., Stepanova A.V. On the Quality of the Federal Statistical Observation of Migration Processes. *Demographic Review*. 2020;7(1):54–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i1.10820>
30. Marinescu C. Why Institutions Matter: From Economic Development to Development Economics. *European Review*. 2014;22(3):469–490. <https://doi.org/10.1017/S1062798714000283>
31. Rothstein B. Corruption and Social Trust: Why the Fish Rots from the Head Down. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2017;(1):37–60. <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.17.1.3760>
32. White R., Yamasaki N. Source-Destination Cultural Differences, Immigrants' Skill Levels, and Immigrant Stocks: Evidence from Six OECD Member Countries. *National Institute Economic Review*. 2014;229(1):53–67. <https://doi.org/10.1177/002795011422900105>
33. Тимошкин Д.О., Волошин А.А. Как неформальные посредники в строительной индустрии влияют на включение трансграничных мигрантов в теневой рынок труда (на примере Иркутска и Красноярска). *Экономическая социология*. 2023;(4):74–92. URL: https://ecsoc.hse.ru/2023-24-4/annot.html#doc_861895600 (дата обращения: 10.04.2025).
Timoshkin D.O., Voloshin A.A. [How Informal Intermediaries in the Construction Industry Influence the Inclusion of Cross-Border Migrants in the Shadow Labor Market (on the Example of Irkutsk and Krasnoyarsk).] *Journal of Economic Sociology*. 2023 (4):74–92. (In Russ.) Available at: https://ecsoc.hse.ru/2023-24-4/annot.html#doc_861895600 (accessed 10.04.2025).
34. Kanas A., Chiswick B., van der Lippe T., van Tubergen F. Social Contacts and the Economic Performance of Immigrants: A Panel Study of Immigrants in Germany. *International Migration Review*. 2012;46(3):680–709. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2012.00901.x>

Об авторе:

Руслан Салихович Мухаметов, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, Researcher ID: M-7158-2016, Scopus ID: 58126085400, SPIN-код: 2774-6303, muhametov2007@yandex.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.08.2024; одобрена после рецензирования 27.12.2024; принята к публикации 16.01.2025.

About the author:

Ruslan S. Mukhametov, Cand.Sci. (Polit.), Associate Professor of the Chair of Political Science, Ural Federal University Named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5175-8300>, Researcher ID: M-7158-2016, Scopus ID: 58126085400, SPIN-code: 2774-6303, muhametov2007@yandex.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author have read and approved the final manuscript.

Submitted 26.08.2024; revised 27.12.2024; accepted 16.01.2025.